

20 НОЯ 1983

ТРУД

МОСКВА

Сергей Юрский:

«НАСЛАЖДАЮСЬ ПРОФЕССИЕЙ»

НАШ РАЗГОВОР состоялся за кулисами Театра имени Моссовета. Шла репетиция пьесы Ибсена «Гедда Габлер». Пока режиссер занимался с другими участниками спектакля, заслуженный артист РСФСР Сергей Юрский сосредоточенно вышагивал по маленькой гримборной. Из вороха моих вопросов выгребал обязательное. Спрашивал сам. Думал. Подробно и точно отвечал. Вот он, не торопясь, бережно подбирая детали, начал рассказывать о поездке в древний русский город Стародуб, на родину отца — Юрия Сергеевича Юрского, актера, режиссера театра, эстрады, цирка. Перед моими глазами вставали тихие улочки, дома с палисадниками, дуплистые деревья вдоль заборов.

— Постучал я в одну калитку, — тут Сергей Юрьевич сделал паузу, словно в ожидании ответа. — Услышал громкий женский голос, раздраженный немного: «Кто там?» Вошел. В яблоневом саду сидела старая женщина, как потом выяснилось, бывшая учительница. Она держала книгу на немецком языке и чудовищно сильные очки. Посмотрела на меня с недоумением и вдруг внятно сказала: «Юр-ка?!» Мне стало немного жутко, потому что «Юрка», мой отец, мог видеться с ней в последний раз... в двадцать втором году.

...Когда ехал в Стародуб со своими двоюродными братьями, хотелось просто поискать могилы дедов, увидеть знакомый по рассказам близких пейзаж. А заодно попробовать расспросить про семью Жихаревых — это настоящая фамилия отца, ее затем вытеснил взятый от имени псевдоним. В райисполкоме нам выдали список с адресами двадцати шести Жихаревых, и мы отправились к ним со странными, пожалуй, визитами. И неожиданно ошунулись в фотографии из старых запыленных альбомов, в доброжелательные воспоминания. Больше всего о театре, который отец здесь организовал. Это был скромный, как сейчас говорят, самодельный театр.

Но и сейчас спустя шестьдесят

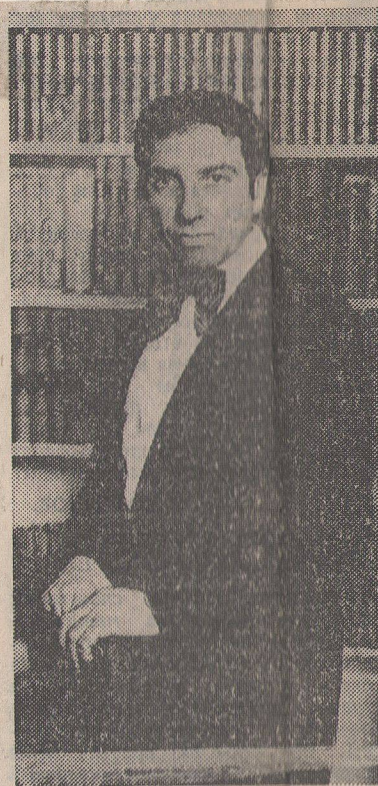
лет о нем помнили, как об одном из самых ярких событий в жизни города. Оттого, может быть, что его создателями была вложена в дело душа? Я всегда называл отца моим главным учителем в театральном деле. И поездка в Стародуб, под впечатлением которой нахожусь до сих пор, стала еще одним его уроком. Простым, скромным и ненавязчивым уроком той ответственности, которую берут на себя выходящие на сцену люди.

— Зрители знают вас не только как актера, но и как театрального режиссера. Продолжаете ли вы заниматься режиссурой?

— Бросил. Думаю, временно. Чтобы вернуться к ней, мне потребовалось бы счастливое стечение обстоятельств. И нужны еще знания, потому что режиссура есть попытка создания своего мира, который населен реальными людьми. Актер тоже творит свой мир, но там присутствует один человек. Режиссер же создает на сцене целое человечество, если можно так выразиться. Этому нужно учиться, а я поймал себя на том, что учился плохо — не в институте, нет! — в последние годы. И сейчас с удовольствием вглядываюсь в работы товарищей, учусь у них. А свое режиссерское будущее, прямо скажем, не программирую. Буду читать много пьес и ждать того момента, когда пойму, что произведение не просто нравится, а мне совершенно необходимо поставить его на сцене. А пока наслаждаюсь своей основной профессией — актерской.

— Ваши новые роли?

— Пережил необычайное впечатление от фактически импровизационного ввода во мхатовский спектакль «Обвал» на роль Джако. Во время гастролей Театра имени Моссовета в Сибири состоялся еще один неожиданный для меня ввод. Из-за болезни Ростислава Яковича Плятта мне пришлось в несколько дней выучить его роль в спектакле «Тема с вариациями», а свою передать Сергею Коковину. Сейчас вот в театре репетирую роль Тесмана в пьесе Ибсена «Гедда Габлер». А на

Ленинградском телевидении сыграл Касыма, брата героя, в фильме про Али-Бабу. Снялся и в телевизионной картине под названием «Месье Лемуар, который не хотел умирать» — там исполнением главной роли отметил свое 60-летие Владимир Этуш. Еще Наталью Тенякову и меня пригласили на «Мосфильм» играть семидесятилетних сибирских крестьян в экранизации пьесы В. Гуркина «Любовь и голуби». Пришлось взять на стемки и нашу десятилетнюю Дашу — не с кем было оставить. Дочь мечтает стать актрисой, так что, думаю, ей полезно узнать и «теневую», рабочую сторону нашей профессии.

— Как, по-вашему, может роль влиять на личность актера?

— Задам вам встречный вопрос. Если актер играет Ричарда III, с кем он общается в этой роли? С кровавым королем? Или с Шекспиром? Правильно, с Шекспиром. Следовательно, именно его мысли и идеи на нас влияют, в нас откладываются. Поэтому, если я играю замечательного, интеллигентного и талантливого человека в пьесе драматурга Н., нет гарантии, что эти качества во мне отложатся: общаемся-то мы с драматургом.

— Свое отношение к персонажу вы демонстрируете залу?

— Я имею свою точку зрения на героя. Но обнаруживать ее перед залом не должен вовсе. Если актер

Дневник искусств

становится прокурором или адвокатом по отношению к роли, то происходит некоторый сдвиг в оценке. Зритель сам, без нашей подсказки должен решить: защищать ему данного человека или обвинять?

— Есть ли у вас новые литературные программы?

— Вернулся к творчеству Шукшина — буду читать с эстрады его «Психопата». И завершаю работу над программой на французском языке, хотя точнее ее назвать двуязычной. Туда входят произведения Пушкина в оригинале и переводах на французский Цветаевой, Мери-ме — в оригинале и пушкинском переводе. И еще ряд подобных «пар»: Парни — Пушкин, Беранже — Курочкин, Верлен — Пастернак. Конечно, в работе помогает знание французского: занимаюсь им постоянно еще со школы. Думаю, что в этой программе прозвучат стихи и других поэтов.

— В ваших чтецких программах много юмористических произведений. Предполагаете пополнить их число?

— Конечно! Очень хочется сделать новую чисто комедийную программу. Я вообще люблю юмор, фарс, клоунату — все, что рассчитано на смех зрительного зала. Да и в жизни необходимо уметь смеяться и видеть смешное.

— В концертах вы не раз читали стихотворение Александра Володина «Хобби». А у вас самого хобби есть?

— Пишу книги. Первая под названием «Кто держит паузу» издана шесть лет назад. Сейчас готовлю новую. Разговор в ней идет уже не об актерской профессии, а о режиссуре. И еще обожаю разные игры.

— Но ведь вы и в театре играете?

— Об игровой стихии театра мы говорим много — без нее наша профессия попросту немислима. Но не меньше сказано и о воспитательной роли искусства, что абсолютно справедливо. Хотя и этой ролью театр никогда не должен исчерпываться. Ничего нового не открывая, хочу просто вспомнить, что есть и еще одна роль — театр как метод познания. Сам процесс спектакля, разделение на зрителей и исполнителей, сама игра в жизнь, неподобие и есть познание окружающей нас жизни, общества, глубин человеческой психологии. В нем должны участвовать обе стороны. Но если актеры просто рассказывают все, что знают, публике — это еще не театр. Спектакль становится явлением искусства, когда дает возможность и зрителям, и актерам узнать нечто новое. О мире и о себе.

Интервью взяла
Татьяна ИСКАНЦЕВА.

208